

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

© 1995 г., ЭО, № 1

Р. Б о р о ф с к и

ВВЕДЕНИЕ К КНИГЕ «ОСМЫСЛИВАЯ КУЛЬТУРНУЮ АНТРОПОЛОГИЮ»

Примерно так можно перевести название последней крупной книги, изданной в США, которая касается актуальных проблем антропологической науки за рубежом*. Основой книги послужили идеи и материалы ежегодного собрания Американской антропологической ассоциации 1989 г.

Наука нуждается в периодической ревизии своих исследовательских подходов, теоретических построений, результатов деятельности. Именно такой период переживает сегодня отечественная этнография. Осмысливая пройденный ею путь, споря о направлениях и формах ее дальнейшего развития, мы все чаще обращаемся к опыту зарубежных коллег. При этом мы обычно сопоставляем (и противопоставляем) свою науку и западную как некие целостные, концептуально однородные, монистические по методологическим установкам системы.

Думается, такой подход, да еще дополненный стремлением доказать, чья наука лучше, отражает прежнюю традицию переносить идеологическую борьбу в область научных знаний. Не этим ли объясняется, с одной стороны, некоторое пренебрежение к традициям советской этнографии, подчас звучащее в наших дискуссиях в последние годы, и, с другой стороны (как ответная, защитная реакция), почти демонстративное неприятие достижений зарубежной науки? Эти две тенденции нельзя назвать доминирующими, но они существуют.

Если оставить в стороне идеологические стереотипы и психологические предрассудки, а они существовали и продолжают еще существовать и «по ту сторону», то обнаружится, что серьезных оснований для противопоставления такого рода не так уж и много. Отечественная этнография заметно теряет свое прежнее единство (впрочем, никто до сих пор не пытался исследовать, насколько реальным оно было). Западная же антропология никогда и не являла собой некой однородности.

Последнее наглядно иллюстрируется книгой «Осмысливая культурную антропологию». На наш взгляд, она вполне заслуживает внимания читателей журнала, поскольку дает неплохое представление о современных тенденциях развития западной, прежде всего американской, антропологии. Учитывая это, редакция, с любезного согласия составителей книги, решила перепечатать в переводе некоторые ее части, которые могут представлять наибольший интерес для читателей. Этими публикациями мы хотим несколько облегчить доступ широкому кругу российских этнографов и студентов к новейшей зарубежной литературе. Институт этнографии и антропологии РАН хотел бы издать на русском языке весь том, однако сделать это пока не представляется возможным из-за трудностей.

Книга задумана как своеобразное учебное пособие для начинающих исследователей и практических работников. Своебразие ее заключается в том, что в ней отсутствуют элементы дидактики, натаскивания, упрощения, обычно свойственные учебникам. Авторы намеренно пошли на это, чтобы показать всю сложность антропологической проблематики и расширить поле теоретических дискуссий. Трудно сказать, оправдается ли такой эксперимент, если иметь в виду задачи приобщения к профессии начинающих. Несомненно, однако, одно: такая форма изложения материала пригодна и полезна для всех, кто серьезно интересуется антропологией, занимается или хочет заниматься ею.

Создание этого труда стало возможным прежде всего благодаря большому личному вкладу ее составителя и одного из авторов — профессора Гавайского университета Роберта Борофски. Он написал пространное введение, комментарии ко всем разделам, заключительную главу, а также одну из статей. В числе авторов статей — ученые из США и ряда других стран: Ф. Зальцман, Дж. Маркус, Р. Мёрфи, М. Харрис, Л. Нейдер, М. Годелье, А. Купер, Р. Даматта, В. Дас, Р. Раппапорт, Х. Бернард, Р. Леви,

* Assessing Cultural Anthropology / Ed. Borofsky R. N. Y. 1994. 556 p.

С. Янагисако, Дж. Колльер, М. Стразерн, Э. Вулф, Н. Шепер-Хьюджес, Дж. Гуди, У. Гуденаф, М. Блох, К. Страсс, Н. Куин, Р. Кисинг, В. Тишков, К. Леви-Страсс, М. Салинс, С. Тамбия, К. Коттак, Э. Колсон, Ф. Барт, С. Моор, К. Гиртц, А. Вайда.

В этом номере журнала мы публикуем в сокращенном варианте Введение к тому. Оно в сжатом виде отражает практически всю основную проблематику книги, позволяет охватить ее в целом. В следующих номерах мы предполагаем поместить еще несколько статей, посвященных отдельным теоретическим вопросам, разрабатываемым культурной антропологией.

Редколлегия

* * *

В течение последних нескольких лет появился ряд работ, посвященных оценке культурной антропологии¹. Настоящий том включает работы многих ведущих ученых. Авторы не стремились ограничить себя узкоспециальными темами, например экономической антропологией, политической антропологией, юридической антропологией. Они скорее попытались сфокусировать свое внимание на культурной антропологии в целом. Особенностью тома является и то, что он дает возможность читателям делать собственные умозаключения. В книге представлены различные взгляды, которые каждый может оценивать и использовать по своему усмотрению.

Название тома отражает его замысел. В соответствии со словарем Уэбстера (Webster's dictionary. 1984. 426 р.) слово assess «подразумевает критическую оценку с целью понимания или интерпретации и руководство к осуществлению соответствующего действия». Герундийная форма assessing указывает на то, что этот процесс все еще продолжается. Сам том является частью продолжающегося разговора в среде студентов и профессоров по поводу нынешнего состояния культурной антропологии и ее видов на будущее.

В книге просматривается переплетение нескольких антропологических традиций и парадигм (холизм, контекстуализм, изменение, доминация, сравнения, методика и идеология полевых исследований). Барт, Блох, Гуди, Гуденаф, Харрис, Кисинг, Леви, Стразерн, Страсс и Куин, Вайда, Янагисако и Колльер, а также я сам — все мы рассматриваем вопрос о взаимосвязанности культурных элементов. Исходя из этого общего основания, исследователи затем идут в различных направлениях, уточняя, в какой мере, в каких областях культуры и по каким причинам существуют подобного рода взаимосвязи. Бернард, Блох, Гуденаф, Харрис, Леви, Маркус, Мёрфи, Раппапорт, Зальцман и я обращаемся также к антропологическим аспектам общего процесса познания. Вопросам доминации и власти уделяют внимание Харрис, Салинс, Шепер-Хьюджес, Тамбия, Тишков и Вулф. Даматта, Дас, Годелье, Коттак и Колсон, Купер, а также Нейдер рассматривают проблемы сравнительности. Барт, Блох, Годелье, Харрис, Кисинг, Коттак и Колсон, Леви, Моор, Раппапорт, Салинс, Стразерн, Страсс и Куин, Тамбия, Тишков, Вулф и я рассматриваем проблему развития. Барт, Гиртц, Харрис, Кисинг, а также Леви-Страсс поднимают вопросы, связанные с критикой устоявшихся теоретических взглядов в антропологии. Все это порождает важный вопрос: могут ли антропологи добиться общего согласия в отношении того, где мы находимся сейчас, и в каком направлении мы могли бы двигаться?

Подспудно возникает еще один вопрос. Большинство авторов тома являются ведущими учеными, принимавшими основное участие в формировании нынешнего состояния дисциплины. В процессе движения вперед многие, естественно, стремились к сохранению преемственности с тем настоящим, созданию которого они содействовали. Молодое поколение авторов может быть более заинтересованным в создании собственных ниш в науке, новых направлений, позволяющих им обрести свое неповторимое лицо. Нам приходится задать следующие вопросы: могут ли «старики» содействовать формированию нового? Должно ли изменение произойти через то, что Фокс называет «массовой отставкой „стариков“»?² Или,

может быть, «старики» с накопленными ими знаниями, умением и опытом могут содействовать развитию дисциплины в будущем?

Том включает 31 статью; в их расположении не было какой-либо заранее предписанной последовательности. Эта последовательность сложилась сама собой в процессе работы. Первый раздел предлагает вниманию читателя то хаотичное разнообразие взглядов и идей, которые характеризуют нынешнее состояние дисциплины. Подоплеку проблем, рассматриваемых Зальцманом и Маркусом, составляют дискуссии о позитивистском и интерпретаторском методах, которые ведутся в антропологии уже многие десятилетия. В центре этой проблемы стоит вопрос о том, как обеспечить динамичное и эффективное развитие науки. Мёрфи и Харрис затрагивают и другой спорный момент, связанный с соотношением идеалистических и материалистических взглядов в анализе культурных процессов.

Второй раздел посвящен методу сравнения, представляющему собой одну из наиболее сильных сторон антропологии и отражающему нынешнее состояние дисциплины. При этом в разделе показаны различия в подходе к этому методу в европейской и американской антропологии. Здесь представлены точки зрения Нейдер, Годелье, Купера, Даматты, Дас.

В статьях третьего раздела дается критика устоявшихся в антропологии концепций и понятий. Раппапорт и Бернард предлагают свои комментарии, связанные с дебатами между позитивистами и интерпретаторами. Леви, Янагисако и Колльер, а также Стразерн по-новому и глубоко переосмысливают прежние понятийно-категориальные системы. Вулф и Шепер-Хьюджес рассматривают вопросы, связанные с динамикой власти и безвластья.

В четвертом разделе освещаются антропологические концепции культуры. Гуди и Гуденаф помогают нам переосмыслить то, что мы подразумеваем под словом «культура». Блох, Стросс, Куин и Кисинг также подвергают критическому анализу традиционные подходы к пониманию культуры.

В пятом разделе культура рассматривается в движении, во времени и пространстве. Вайда, Барт и я обсуждаем параметры индивидуального разнообразия, а также пути к улучшению нашей способности концептуализировать вечно открытый, текущий характер человеческого знания. Моор, Салинс, Коттак и Колсон рассматривают динамику процессов, изменения, а также функционирование локальных и глобальных систем взаимосвязей.

В статьях шестого раздела обсуждается роль антропологии за пределами академического мира. Леви-Стросс, Тамбия, Тишков и Гиртц в своих статьях рассматривают проблемы, связанные с этническими конфликтами и культурными предрассудками. В заключительной главе излагаются мои мысли по поводу перекликающихся тем, предложенных авторами тома. Она касается основной для современной антропологии проблемы — поисков возможных путей дальнейшего продвижения.

* * *

Определение антропологии как научной дисциплины — проблема весьма сложная. Из соответствующей литературы можно вынести лишь один непреложный факт величайшей разнородности антропологии, что выражается в широте предметной области науки, в ее концептуальном разнообразии. Как отмечает Клиффорд Гиртц, «одно из преимуществ антропологии как научного занятия состоит в том, что никто, включая и самих антропологов, не знает точно, что же это такое»³.

Американские авторы предлагают разные определения этой области знания. Харрис утверждает: «Антропология — это наука о человечестве, о древних и ныне живущих людях и их образе жизни»⁴. Он подразделяет эту дисциплину на четыре основные отрасли: культурную антропологию, археологию, физическую (или биологическую) антропологию и лингвистику. Эмбера определяют антропо-

логию как «изучение сходств и различий, как биологических, так и культурных, между человеческими популяциями»⁵. Эти авторы подразделяют антропологию, подобно Хавиланду, на антропологию физическую и культурную (которая в свою очередь разделяется на археологию, лингвистику и этнографию)⁶. Вслед за Харрисом, у которого он одно время учился, Коттак разделяет антропологию на четыре направления, но допускает возможность включения в нее также и пятого — прикладной антропологии. Эти системы классификации науки контрастируют с европейскими. В Швеции, например, различают антропологию, изучающую иностранные, заморские культуры (к примеру, в Африке), и этнографию, чей интерес фокусируется на европейских культурах (и традиционно ориентирован на крестьянские общины). И хотя, как отмечает Блох, нынешнее различие между британской социальной антропологией и американской культурной антропологией «не является абсолютным», эти две ветви одной дисциплины традиционно делали основной акцент на разные области исследования: в первом случае это «социальная структура», а во втором — «культурные модели» (с. 286)*.

В связи с сегодняшней озабоченностью проблемой целостности антропологии следует отметить, что некоторые известные ученые эту целостность понимали скорее как преемственность ее исторического развития, нежели как единство исследовательских задач. Один из основоположников американской антропологии Боас писал в 1908 г.: «Нельзя не признать, что... область деятельности антрополога более или менее случайна, а ее возникновение объясняется тем, что до развития современной антропологии часть ее предметной области занималась другими науками»⁷. «Как возникла антропология?» — спрашивает Леви-Стросс. «Она создала себя из разного рода отходов и остатков других отраслей науки»⁸.

Если, однако, заглянуть глубже, сквозь все многообразие внешних форм, то в данной дисциплине обнаруживается определенная общность. Антропология изучает изменения, происходящие с человеком во времени и в пространстве, рассматривая те характерные черты, которые присущи всем человеческим существам как единому биологическому виду. Или, другими словами, антропология изучает культурные и физические вариации, существующие в человеческих сообществах, а также их происхождение как в современном мире, так и в прошлом.

Культура

Коттак определяет культуру как «чисто человеческие, передаваемые через обучение традиции и обычаи, управляющие поведением и верованиями»⁹. В определении Боханиана культура предстает как «способность пользоваться орудиями и символами»¹⁰. Кисинг утверждает, что культура — это «система знаний, более или менее разделенных членами данного общества»¹¹. (Его отец, тоже известный антрополог, определял культуру как «целостность усваиваемого через обучение социально передаваемого поведения или обычая»¹².)

При более глубоком рассмотрении вопроса обнаруживается лишь еще большее разнообразие. Показательной в этом отношении можно считать книгу Крёбера и Клакхона «Культура: критический обзор концепций и определений»¹³. Рассмотрев более 150 определений культуры, авторы проанализировали множество различных способов концептуализации этого термина. В конечном счете они пришли к следующему определению: «Культура состоит из эксплицитных и имплицитных моделей поведения, приобретаемых и передаваемых с помощью символов, составляющих отличительное достижение человеческих групп, включая их воплощенность в артефактах; сердцевина культуры состоит из традиционных... идей и, особенно, из приписываемых им ценностных значений; системы культур могут рассматриваться, с одной стороны, как производные от деятельности, а с другой — как элементы, обуславливающие дальнейшую деятельность»¹⁴.

* Здесь и далее ссылки на текст книги.

Сегодня лишь немногие из современных антропологов ссылаются на это определение. Оно вышло из моды, поскольку кажется слишком широким (а потому, вероятно, слишком неудобным), чтобы использоваться в исследовательских целях. В настоящее время в антропологии доминируют дефиниции типа представленных выше определений Коттака и Кисинга.

Культурная антропология

Культурная антропология представляет собой одну из важнейших субдисциплин нашей науки. Куперы дают хорошее определение, отмечая, что «культурная антропология используется главным образом в Соединенных Штатах для обозначения той отрасли антропологии, которая изучает человека (т. е. людей) как социальное существо, а также скорее благоприобретенные, чем генетически передаваемые формы поведения»¹⁵. Мандельбаум утверждает, что «центральная задача культурной антропологии... состоит в изучении сходств и различий в поведении разнообразных групп людей, в описании характера тех или иных культур и типичных для них процессов воспроизведения, изменений и развития»¹⁶.

Культурная антропология подвержена многим из тех же тенденций, что и более широкая научная дисциплина — антропология. В культурной антропологии присутствуют и центробежные (или разделительные, фрагментирующие), и центростремительные тенденции. Поскольку в центре внимания настоящей книги находится именно культурная антропология, то я позволю себе подробно рассмотреть эти две тенденции, что послужит читателю своего рода введением в указанную область исследований.

Центробежные тенденции

В литературе несложно найти указания на тенденцию к фрагментации в культурной антропологии. В одном из обзоров работ по культурной антропологии Ортнер отмечает: «Эта область знания представляет собой нечто, состоящее из кусочков и заплат, из отдельных личностей и небольших групп, занимающихся разрозненными исследованиями и разговаривающих, главным образом, сами с собой»¹⁷. Процесс фрагментации длится уже довольно долго. В начале 50-х годов британский антрополог Нейдел писал: «Социоструктурные исследования Эванса-Причарда или Фортеса, работы Ферса „Малайские рыбаки“ и М. Мид „Характер балийцев“ просто не укладываются в рамки одного и того же научного пространства»¹⁸. Каковы же причины этой фрагментации?

Две перспективы

Раппапорт пишет: «С момента возникновения антропологии в ней присутствуют две тенденции. Одна из них, будучи объективистски ориентированной и черпая вдохновение в биологических науках, стремится найти объяснение и обнаружить причину, а со стороны наиболее амбициозных исследователей даже открыть общие закономерности. Другая же определяется влиянием философии, лингвистики и гуманитарных наук и оказывается открытой для знаний, добываемых более субъективным путем, предпринимает попытки интерпретации и стремится к уяснению полученного» (с. 154).

Купер говорит о двух прочно утвердившихся в американской антропологии исследовательских программах: «Успешный старт первой из них дал Боас. В качестве своего предмета она избрала культуру, в особенности ее вариативность. Предпочтение в ней отдается методу включенного наблюдения. Эта программа задается вопросами о культурных различиях, о тех путях, через которые язык и обычай придают действиям их смысл и целенаправленность, а также о значении традиции. Программа отличается релятивизмом и в большей мере занята

описанием и интерпретацией, чем объяснениями, а также скорее частным, общим... Вторая тенденция всегда выступала и выступает главным антагонист программы Боаса. В центре ее внимания находится эволюция человека, ее рой — Дарвин. В эволюционном процессе упор ею делается на материальные факторы... Она стремится к выяснению общих принципов и формирует с скорее по образу и подобию естественных наук, нежели гуманитарных, в которых последователи Боаса обычно находят своих сторонников» (с. 113).

Относительно значимости этих подходов существует множество противоречивых точек зрения, или, говоря более мягко, неясностей. По этому поводу Сервис пишет: «Споры, как представляется, сводятся ко взаимному непониманию из-за расхождения целей и интересов. Зачастую разброс во мнениях является результатом того, что речь идет о разных вещах, что, в свою очередь, приводит исчезновению конфронтации между именитыми антропологами. Иногда они только направляют свои слова прямо-таки мимо ушей друг друга, но бывает, что все не говорят друг с другом»¹⁹.

Ускользающий интеллектуальный консенсус

От старейшин антропологии приходится слышать замечания о былом согласии в науке. Так, Колсон сообщает: «У нас некогда существовало согласие по вопросам исследовательской проблематики и методологии, а также в том, что нужно следить писать для публики... Приблизительно к 1930 г. для американской этнографии были характерны единная проблематика и единая методология, а также редкое для ученых-этнологов, получивших одинаковую подготовку и склонение заниматься одними и теми же проблемами и спорить по ним»²⁰.

Вулф утверждает: «Ранняя антропология достигла единства под эгидой концепции культуры... Она объединяла эту дисциплину вокруг базисных вопросов природе человеческого вида, о его биологической изменчивости, отраженной социальных формах, а также о том, как надлежащим образом оценивать сходства и различия». «Но последняя четверть века,— отмечает он,— подорвала это интеллектуальное чувство уверенности. Сравнительно неразвитая концепция культуры... подверглась атаке со стороны некоторых теоретических направлений»²¹.

Колсон считает, что разрыв произошел в 1930-е годы, Лиф — в 1950-е, Йенг ян — в начале 1960-х, а Мёрфи — в конце 60-х — начале 70-х годов²². Как бы там ни было, сегодня, вероятно, ни концепция культуры, ни традиционные методы этнографических исследований не могут выступать по-прежнему в качестве объединяющих антропологию принципов. Одним из центральных вопросов стоящих ныне перед антропологией, является вопрос о том, чем будет заменен утраченный консенсус. Именно этой теме во многих своих аспектах и посвящена настоящая книга.

А теперь я хотел бы обратиться к вопросу о том, как произошло это кажущееся крушение парадигматического единства. Я предполагаю рассмотреть три факта: 1) выход антропологии за пределы, определенные ее «героическими ментрами»; 2) изменение общемирового контекста, в котором развивалась антропология, и 3) процессы развития внутри самой дисциплины.

«Героические менторы» позади

Можно разделить историю антропологии на три периода: 1) формационный период, 2) период «героических менторов» и 3) период расширения.

Формационный период начался с основания этой дисциплины в XIX в. продолжался, можно сказать, до конца первых десятилетий XX столетия. В этот период образовались антропологические общества, появились первые публикации и началось преподавание антропологии в нескольких университетах. Такими учеными, как Морган, Тэйлор и Фрэзер, постулировались общие схемы

прогрессивного развития, которые показывали, как примитивный, «остальной» мир развивался по пути современных западных стран.

«Героические менторы» антропологии — Боас, Малиновский, Рэдклиф-Браун и Дюркгейм — были основателями современной антропологии. Каждым из этих ученых были созданы в начале этого века свои собственные «школы».

При взгляде на этот период, т. е. на первые два десятилетия для Соединенных Штатов и для Франции (Боас и Дюркгейм) и на 1920-е и 1930-е годы для Англии (Малиновский и Рэдклиф-Браун), необходимо учитывать, что людей, занимавшихся антропологией, было очень мало. В 1910 г. Американская антропологическая ассоциация объединяла 306 членов, а в 1930 г. — 666.

По мере того как ученики того или иного «ментора» передавали свои знания ученикам — Стьюард, например, был учеником Крёбера, который в свою очередь являлся учеником Боаса, — происходила вполне понятная диверсификация интересов. Я полагаю, что современная широта антропологии частично объясняется фактом естественного расширения рамок дисциплины за пределы, определенные ее «героическими менторами». Этот постепенный процесс значительно ускорился в связи с общим расширением дисциплины, начавшимся с 1940-х годов. Например, число членов Американской антропологической ассоциации увеличилось с 1101 в 1940 г. до 2260 в 1950 г. и до 6420 в 1970 г., составляя сегодня примерно 10500 человек. Возросло количество университетских программ, а также число выпускников-антропологов. Наряду с этим множилась специализация, поскольку антропологи стремились уточнить общие формулировки своих предшественников и размежеваться друг с другом профессионально. Дробление некогда единой антропологии на медицинскую, экономическую, юридическую, политическую, психологическую антропологию тоже соответствовало указанной тенденции.

Таким образом, исчезновение пресловутого интеллектуального консенсуса является в определенной мере результатом успехов антропологии как научной дисциплины. Она вышла за пределы, установленные ее родоначальниками, и превратилась в более крупную дисциплину.

Изменения в общемировом контексте

Теперь обратимся ко второй причине, объясняющей нынешнее разнообразие в антропологии. Изменилась не только сама дисциплина, но и мир, в котором она выросла. Происшедшие в нем изменения поставили под вопрос прежние концепции, однако не прояснили, чем их заменить.

«Это исторический факт, — писал Леви-Стросс, — что антропология родилась и развивалась под сенью колониализма» (с. 425). Деколонизация поставила новые и весьма сложные вопросы перед наукой. Интерес этой дисциплины к менее развитым периферийным народам теперь зачастую воспринимается как нездоровский интерес к отсталости, «примитивизму» — образ, от которого многие вновь обретшие независимость страны стремятся избавиться. Принс приводит характерный пример: на картине, написанной в Аккре в память об обретении Ганой политической независимости, изображены бегущие агенты колониализма. Рядом с администратором округа помещен антрополог, держащий под мышкой экземпляр журнала «Африканские политические системы», издававшийся Фортесом и Эвансом-Причардом²³.

Другие важные, помимо деколонизации, события, с которыми антропологии приходится считаться, — это те громадные экономические и технологические изменения последних десятилетий, которые произошли и происходят во всем мире. Если до второй мировой войны антропологи и могли еще с очень большой натяжкой считать, что малые народы, находящиеся вдали от центров европейской культуры, представляют собой изолированные культурные группы, свободные (или относительно свободные) от внешнего влияния, то сегодня в это уже просто невозможно поверить.

Осознание этого факта повлияло на антропологию в разных аспектах. Оно поставило под сомнение ее основные посылы относительно природы культуры. В своей работе «Европа и народ без истории» Булф указывает, что «как только мы поместим реальность общества в контексте исторически изменчивых, неточно очерченных, сложно структурированных и разветвленных социальных связей, то представление о фиксированной и однородной культуре со строго очерченными параметрами должно уступить место представлению о подвижности и проникаемости культурных систем»²⁴.

В этой связи Моор выделяет три аспекта — культурный, политический и экономический. Оценивая их как самостоятельные методы исследования, автор утверждает, что «все они имеют свои недостатки. Одна из главных задач антропологии состоит в достижении приемлемой комбинации этих аспектов» (с. 373—374). Существует также проблема того, что Салинс назвал «индигенизацией современности» (с. 390), т. е. как происходит концептуализация более крупных сил и как с ними обращаться на «локальном» уровне. «Исторические последствия капитализма, — предостерегает он, — не прямо пропорциональны его материальной силе, которая есть вопрос чистой физики, ибо они преобразуются под воздействием локальных процессов концептуализации и культурной динамики» (с. 382). В сегодняшнем мире с его взаимопереплетением экономических систем и высокоскоростных систем коммуникаций различие между «мы» и «они» стало довольно двусмысленным. Обе категории временами представляются сливающимися друг с другом, оставаясь при этом совершенно разнородными.

Внутридисциплинарная динамика

Фрагментации антропологии способствуют также другие факторы, связанные с ее внутренней динамикой.

Совершенствование базы этнографических данных. Может показаться странным, что расширение и улучшение базы антропологических данных порождает проблемы внутри дисциплины. Но это действительно так. Антропологи обладают сегодня достаточно солидными этнографическими материалами, чтобы видеть недостатки прежних концепций и подходов.

Ныне, как никогда раньше, стало ясно, что культуры не представляют собой гомогенных, устойчивых единиц, стремящихся к эквилибриуму, к сохранению своей формы во времени и (или) стремящихся к объединению людей с общими, по большей части, понятиями. Вайду (с. 322) цитирует Колсон: «Ценности, которые некогда считались фундаментом, определявшим то, как конкретные люди строили свои отношения друг с другом и с окружающей средой, оказались теперь ситуационными, связанными со временем, а не с теми вечными истинами, которые можно использовать для предсказания поведения во времени и при всех обстоятельствах»²⁵.

В попытке переосмыслить культурные модели и процессы мы приходим к необходимости поставить следующие вопросы: 1) каким образом оказывается возможным общение между людьми с разными представлениями? 2) какие из элементов культуры стремятся к объединению во времени? 3) как обеспечиваются стабильность в периоды изменений и изменения в периоды стабилизации?

Авторитет этнографии тоже не остался таким, каким он был когда-то. «Доверие к нашим полевым отчетам» не может более покойиться на «основании одной лишь их уникальности, т. е. на отсутствии каких-либо иных сообщений», как отмечает Зальцман (с. 35). Эти отчеты оспариваются, по мере того как все большее число исследователей начинают вести свою работу в смежных областях, и все большеaborигенных народов читают и обсуждают то, что написано о них самих.

Различие взглядов Редфилда и Льюиса на мексиканский г. Тепоцтлан или М. Мид и Фримана на Самоа побуждает усомниться, насколько объективны и точны различные антропологические сообщения. Эти сомнения часто приводят нас к озабоченности тем, как при помощи определенных литературных приемов антро-

ологи пытаются обеспечить этнографический авторитет и аутентичность своих материалов. Рефлексия, «вплетающая в этнографические тексты личностно окрашенные отчеты... об условиях производства знания», занимает все большее место в этнографических работах, замещая собой, по выражению Маркуса, «объективное „око“ наблюдающего этнографа его или ее личным... „я“». (с. 45).

В результате действия этих тенденций выступления антропологов становятся все менее уверенными и менее определенными, чем в прошлом. Общий набор их представлений не только относительно наших концепций культуры, но и методов их исследования представляется все более уязвимым для критики.

Междисциплинарная ориентация дисциплины. Зальцман пишет, что Клайд Клакхон «любил говорить, что ученая степень в антропологии служит лицензией на присвоение чужих идей»²⁶. Антропологи сегодня пользуются идеями многих дисциплин. Список ученых, цитируемых авторами настоящего тома, отражает широту интересов антропологии. В нем делаются ссылки на социального историка Фуко, социологов Вебера и Бурдье, философа Витгенштейна, политических экономистов Маркса и Валлерштейна, литературного критика Бахтина и итальянского интеллектуала Грамши.

Такая междисциплинарная ориентация существует в антропологии уже довольно давно. Почти 100 лет назад Боас признавал, что «этой дисциплине требуются специальные знания, которые не могут быть доставлены самой антропологией»²⁷. Как отмечал Фортес, основатели антропологии в университете Кэмбриджа «настоятельно учили, что антропологические исследования не могут процветать в изоляции.., достижения в антропологическом знании неотделимы от достижений в смежных гуманитарных науках»²⁸.

Вулф указывал еще на одну сторону этой тенденции: «Большой частью своего теоретического вооружения американская антропология обязана импорту из-за Атлантики... Можно согласиться, что в течение долгого времени крупнейший американский теоретик Льюис Морган был пророком повсюду, но не в своей собственной стране»²⁹. Наблюдающаяся среди американских антропологов тенденция к импортированию идей из-за Атлантики в последнее десятилетие значительно усилилась, поскольку американцы обратились к европейской (и особенно французской) интеллектуальной жизни в поисках нового вдохновения.

А поскольку антропологи постоянно заимствуют сведения у научных авторитетов, представляющих другие дисциплины, не удивительно, что их собственная область представляется несколько раздробленной и что разные ученые «расстаскивают» ее в разных направлениях.

Неконформистский стиль антропологии. Брадору и Хикс пишут, что многие антропологи «обнаруживают глубокую антипатию к авторитету в рамках собственной... культуры»³⁰. Они говорят также о «романтическом образе антрополога как о бесстрашном искателе приключений, эксцентричном и обезоруживающе неконформном». Крёбер отмечал: «Охватывая огромную область, антропология представляет собой одну из наук, характеризующуюся самыми высокими центробежными тенденциями. Иногда над нами дружески смеются представители тех областей знания, где над куда более узкими проблемами работает в 5—10 раз больше людей. Как говорит Редфилд, наша готовность заниматься вопросами, касающимися любого сектора необъятного и разнообразного знания о человеке.., делает антропологию самой свободной и самой эксплоративной из наук. Мне кажется, что мы можем утверждать это с полным основанием. Недавно я провел разграничение между культурной антропологией и социологией по личностным установкам занимающихся ими людей: антропологами становятся люди с твердо устоявшейся центробежной ориентацией и интересом к далекому, маргинальному, в то время как люди, охваченные сильными центростремительными тенденциями, стремящиеся к знакомому и повторяющемуся, не желающие интеллектуальных приключений, но предпочитающие некоторую осозаемость того, с чем имеют дело, становятся социологами»³¹.

Эта ориентированность антропологии имеет для нее большое значение. По мнению Такса, данную дисциплину характеризуют «широта задач и интересов.., открытость для людей и для идей, большая терпимость к разнообразию как самого предмета, так и инструментов исследования. Из этого проистекает также и терпимое отношение к некоторой степени двусмысленности и неопределенности»³². Теперь может быть понятно, почему существует столь много определений антропологии и культуры. 28 авторов настоящего тома обращаются к словам *interpret*, *interpretive*, *interpretation*. Тщательный анализ того, как они используют эти термины, показывает резкие различия в их понимании. То же самое демонстрируют те 14 авторов, которые обращаются к слову *postmodern*, и те 10, которые говорят о «*materialist perspectives*». Авторы могут использовать одни и те же термины, но при этом они подразумевают под ними разные вещи. Это обстоятельство побуждает Мёрфи отметить в своей статье, что «современная теория культуры страдает от распыленности, которая столь велика, что, кажется, подрывает возможность самого общения внутри нашего научного сообщества..; протагонисты каждого из направлений... не слышат друг друга из-за смешения языков; много разговоров, но мало диалогов» (с. 55).

Эта ориентация поощряет развитие определенного интеллектуального стиля в антропологии. Убеждение и доказательства переплетаются друг с другом еле уловимым образом. Так, Барт пишет: «Теоретическое творчество требует, конечно, свободы критиковать и отвергать, независимости суждений и готовности исследовать другие, радикальные точки зрения. Но... нельзя повысить свой творческий потенциал путем лихорадочных поисков последних новинок и отказом ото всех ранее устоявшихся (и альтернативных) взглядов. В американских академических кругах наблюдается значительный крен в сторону стереотипной оригинальности» (с. 350).

Вулф в свою очередь отмечает: «В антропологии мы постоянно повергаем существующие парадигмы только для того, чтобы видеть, как они снова возвращаются к жизни, как если бы их открывали в первый раз... Поскольку каждый последний опускает свой топор на предшественников, то антропология начинает напоминать проект по уничтожению „интеллектуального“ леса» (с. 220). Первые поколения антропологов сообщали о той же самой тенденции. Крёбер, например, писал, что такие науки, как антропология «подвержены влиянию моды»³³, а Уоллес говорил о «подсечно-огневом» характере антропологии³⁴.

Антропологические теории и модели обладают, по крайней мере при поверхностном наблюдении, относительно коротким «периодом интеллектуального полураспада». Антропологи зачастую стремятся вперед, к «новому» и поступают при этом старым, «убивая» его, отбрасывая его в сторону или просто игнорируя. Мысли кажутся новее, если автор игнорирует своих предшественников. Это особенно справедливо для сегодняшнего дня, когда в поисках места на ограниченном рынке труда и статуса в условиях расширяющихся рамок дисциплины новое поколение антропологов считает для себя более выгодным (в финансовом и интеллектуальном смысле) создавать собственные ниши, принижая и игнорируя предшественников.

В связи с этим заслуживает внимания довольно длинная цитата из недавней работы Колсон: «Быстрый популяционный рост и географическое распространение (внутри дисциплины) связаны с возникновением множества интеллектуальных школ, каждая из которых подчеркивает свою уникальность и превосходство, а также необходимость для всего социально-культурного сообщества признать ее лидерство. Однако этого никогда не происходит. И даже самая успешная из формул редко доминирует более одного десятилетия: в тот самый момент, когда, как кажется, наступил ее триумф, молодые антропологи, стремящиеся поставить личное клеймо на профессию, объявляют ее вышедшей из моды ортодоксией. В объявлении устаревшей всей существующей литературы, которая к настоящему времени слишком обширна, чтобы ее мог освоить любой из новичков, есть терапевтический эффект. Вместе с тем старые идеи продолжают выдвигаться под

новыми рубриками. История антропологии — великолепный образчик того, что Джон Барнес однажды назвал структурной амнезией, созданием удобных мифов, прославляющих минимальное число предшественников. Селективное забывание, однако, не способствует преемственности идей...»³⁵.

Можно предположить, что при таких центробежных тенденциях культурная антропология могла бы самоуничтожиться, расколоться на массу осколков. Однако этого не произошло, ибо существуют и сильные центростремительные тенденции, которые обеспечивают нашей дисциплине сохранение устойчивого интеллектуального ядра.

Центростремительные тенденции

Целостность культурной антропологии обеспечивается несколькими факторами, из которых важнейшее значение имеют следующие: 1) ее общие традиции; 2) схожий опыт полевой работы; 3) улучшающееся качество этнографической базы данных; 4) ее развивающийся, самокорректирующийся характер.

Общие традиции. Прививаемые обычно в процессе обучения в высшей школе и укрепляемые специальной литературой общие традиции дисциплины берут свое начало в ее прошлом. Старые подходы, такие, как культурная эволюция Моргана, Тэйлора и Фрэзера, а также функционализм Малиновского и Рэдклиф-Брауна продолжают свою жизнь в иных формулировках и в другом виде после того, как начинает казаться, что они отвергнуты общей антропологией (подобно теории пережитков Тэйлора).

Такое положение можно видеть и в случае функционализма с его отношением к холизму, и в отношении диффузионизма к «теории мировых систем», а также в отношении к современным концепциям культурной эволюции.

Холизм. Холизм подчеркивает две взаимосвязанные установки. Первая: культуры должны изучаться как целостность, а не по отдельности своих частей. Мосс, одна из ключевых фигур в развитии французской антропологии, писал, что антропологов интересуют «целостности», системы в их единстве. Это то, что он называет «тотальными социальными явлениями»³⁶. Вторая установка: элементы культуры часто рассматриваются как взаимосвязанные и взаимозависимые, т. е., по выражению Клакхона, как «сложная взаимозависимость всех сегментов жизни людей»³⁷. Основоположники британской и американской антропологии Малиновский и Боас особо подчеркивали этот холистский подход³⁸. Идея холизма просматривается и во многих главах настоящей книги.

Контекст. Проникновение в суть исследуемых проблем достигается антропологами путем рассмотрения составных элементов культуры как бы изнутри данной культуры. То, что может казаться странным и экзотичным для незнакомых с нею людей, часто оказывается гораздо более понятным при рассмотрении в контексте аборигенных понятий. Цель этнографии состоит в том, чтобы, по ставшему знаменитым изречению Малиновского, «ухватить точку зрения аборигена, его отношение к жизни, представить себе его мир его глазами»³⁹. Вот почему антропологи уделяют столь много места в своих этнографических работах обсуждению туземной терминологии, передаче тонкостей и сложности мировидения аборигенов.

Общее чувство неудовлетворенности. Не следует, однако, переоценивать приверженность антропологов принципам холизма и культурного контекста. Большинство антропологов склонны воспринимать эти концепции в общей форме. Вместе с тем многих антропологов не удовлетворяют попытки следовать этим принципам полностью, поскольку при этом тоже возникают проблемы.

Принцип холизма, например, лучше всего рассматривать как инструмент анализа, исследовательский подход, нежели как теорию. Холизм, цитируя Моора, это более «вопрос, чем ответ» (с. 364). Знаменитое утверждение Лоуи о том, что цивилизация (или культура) есть «нечто, состоящее из обрывков и заплат»⁴⁰, оказалось отвергнутым. Но вопрос о том, насколько интегрированной является

культура в действительности, еще не решен. Нам необходима большая ясность в понимании того, как части и целое соединяются (или не соединяются) друг с другом.

Трансформация и изменения. До последнего времени антропологи часто использовали для оформления своих работ время «этнографического настоящего» (в нем воспоминания о прошлом сливались с полевыми наблюдениями настоящего, образуя единую вневременную смесь). Функционалисты же сосредоточивают свое внимание, по выражению Биттла, на «современном состоянии общества», избегая при этом «строить догадки об истории происхождения вещей»⁴¹. Антропологи тем не менее традиционно интересуются процессами и проблемами изменчивости. Эта тенденция связана не только с «новым открытием» истории Эвансом-Причардом. Ранние эволюционисты — Морган, Фрэзер и Тэйлор — интересовались вопросами культурных трансформаций, а первые диффузионисты, такие, как Шмидт и Гребнер, — проблемами распространения идей и элементов материальной культуры. В течение уже многих десятилетий антропологи изучают проблемы культурных изменений. Эта тема выступает под разными рубриками — эволюция, история или процессы, аккультурация (у Редфилда, Линтона и Херсковица), конфигурация культурного роста (у Крёбера), инновация (у Барнета).

Объекты изучения. Традиционными объектами антропологических исследований являются народы, находящиеся под политическим контролем западных элит — либо в таких отдаленных регионах, как Африка или Папуа-Новая Гвинея, либо таких, как резервационные группы американских индейцев или сельские общины европейских крестьян.

Эта традиция в определении предметной области антропологии в целом сохраняется и сегодня. Ученые в своих исследованиях склонны фокусировать внимание на «жертвах несправедливости»⁴², т. е. на тех, кто наделен меньшей силой и находится на большом удалении от центров западной политической и экономической власти. При этом антропологи обычно стремятся так описывать эти народы, чтобы подчеркнуть свое уважение к ним.

Принцип сравнительности. Британский антрополог Нейдел подчеркивал, что антропология «повенчана» со сравнением⁴³. «Мы изучаем вариации... и сопоставляем их так, чтобы из них могли возникнуть общие закономерности»⁴⁴.

Годелье описывает два типа сравнений (с. 102). В одном случае сравниваемые культуры разбираются на составляющие (такие, как система родства, типы экономического обмена или религиозная практика), которые и сопоставляются друг с другом. Во втором же сравнение проводится между более «тотальными единстvами». Проблема, с которой сопряжены оба эти типа сравнений, заключается в том, что временами они приходят в противоречие с другими антропологическими ориентациями: первый тип — с принципом холизма, второй — с принципами контекстуального анализа. В целом же при всей важности для антропологии принципа сравнительности он все еще остается несколько проблематичным.

Включенное наблюдение. «Антропологи разделены по эпистемологическим вопросам,— отмечает Бернард, — но почти все мы пользуемся методом включенного наблюдения при сборе наших первичных данных» (с. 171). Включенное наблюдение предполагает два процесса. Антропологи не только наблюдают за изучаемыми людьми, стремясь к некоей объективности, но и участвуют в различных видах деятельности вместе с ними (как для того чтобы просто не оставаться в стороне, так и для проникновения на опыте в описываемую деятельность). По замечанию Гиртца, антропологи придерживаются того «постулата, что для понимания „других“... полезно действовать между ними так, как они действуют между собой»⁴⁵.

По ставшему афоризму знаменитому заявлению Малиновского, антропологи «сошли с веранды» (вниз на землю. — Примеч. переводчика). Лишь немногие антропологи пишут свои этнографические работы путем простого сбора

вторичных комментариев по какой-либо культуре или путем интервьюирования информаторов вне контекста их повседневной жизни (например, на крыльце европейского дома). Антропологи собирают свои данные, живя среди изучаемых ими людей в течение ряда месяцев, а то и лет.

Антропологическое мировидение. Наконец, у антропологии есть свой особый взгляд на то, как усовершенствовать социальные отношения или, в более общем плане, качество жизни людей. В этом отношении в антропологии выделяются три момента.

Первое. Антропология уделяет особое внимание вопросу всеобщности, т. е. тому, что нас объединяет с теми, кто отличается от нас своим поведением, верованиями, местом обитания. Перефразируя Хаймса, можно сказать, что антропология расширяет наше чувство моральной общности и подчеркивает нашу связь с другими⁴⁶.

Второе. Антропология придает особую значимость вопросу культурных различий. Сегодня благодаря антропологам многие жители Запада не только знают о жизни в далекой Африке или на тихоокеанских островах, но и, что особенно важно, видят ценности образа жизни этих людей. Под воздействием антропологии культурное самосознание Запада вобрало в себя разного рода знания из самых разных регионов мира.

Третье. Антропология использует принцип культурных различий как одну из форм критики и через нее как форму культурного общения. Антропология подчеркивает, что помимо наиболее известных нам возможностей решения проблем и способов устройства достойной и осмысленной жизни существуют и другие. Именно к этой теме обращаются Маркус и Фишер, утверждая, что «антропология — это не бездумное собирание экзотического, но также использование культурного богатства для саморефлексии и саморазвития»⁴⁷. Именно об этом говорит Раппарт, отмечая, что «будущее антропологии должно помочь человечеству реализовать... видение своего места в мире» (с. 166). Антропология предлагает собственный взгляд на перестройку социальных и экологических отношений, на обновление нашего понимания общечеловеческого и всеобщей взаимозависимости. Отличительная черта антропологии состоит в утверждении, что те, кто находится на периферии, в подчиненном и бесправном положении, могут сделать важный вклад и обогатить других, включая тех, кто находится у власти.

Одно дело — иметь свой взгляд на то, что мы такое и чем мы можем стать. Другое дело — его фактическая реализация. В этом отношении у антропологии меньше успехов. Годелье задается вопросом об уделе социальных наук «тащиться позади событий» (с. 97). Зальцман отмечает, что «наша работа остается „маргинальной“ для большинства тех людей, которых мы изучаем» (с. 31). Общим для нас, антропологов, является, как я полагаю, не только смелое интеллектуальное мировидение, но также и ограниченность наших успехов в его реализации.

Общность опыта в области полевой работы

Маннерс и Каплан указывают, что полевая работа — это «не только инструмент», с помощью которого антропологи снабжают свою дисциплину ее эмпирическим материалом, но и «нечто большее.., своего рода пробный камень на соответствие, право допуска, необходимое для вступления в члены профессии»⁴⁸. Вулф утверждает: «В системах индивидуального ранжирования... антропологов первоклассный собиратель этнографических деталей ценится выше, чем самый одаренный теоретик»⁴⁹. Фернандес добавляет: «Мы, антропологи, можем зачастую осуждать нашу практику фетишизации полевой работы, однако почти в каждом случае именно богатые этнографические данные, полученные в результате полевой работы, служат базой для значительных достижений в нашей дисциплине»⁵⁰.

Исходя из этого, у многих антропологов возникает такое ощущение, что эмпирическая этнография более жизнестойка, чем теории. В действительности

это утверждение справедливо лишь отчасти. Многие теоретические проблемы сохраняют актуальность в антропологии уже довольно долго — изменилась только их фразеология.

Антрапологическая база данных

Несмотря на теоретические расхождения, разделяющие антропологов, большинство из них согласны с тем, что этнографическая база данных этой дисциплины постоянно улучшается. Это происходит не только благодаря ее расширению и углублению, но также и в связи с улучшением качества самих этнографических работ. Современные работы более подробны, дают более сложный анализ культурной динамики и демонстрируют большую чувствительность к нюансам времени и пространства, чем в прошлом.

Этот процесс побуждает ученых корректировать свои методологические установки. Становится все более очевидным, например, что у специализации есть свои границы. Разделение культуры на экономические, политические или религиозные системы может быть полезным для первоначального понимания изучаемой группы. Но после достижения определенного предела в этих специализированных исследованиях оказывается утраченным нечто весьма существенное. Янагисако и Колльер отмечают, что «... взаимодействие „внутренних сфер“ невозможно понять, не добившись одновременно понимания того, как организованы сферы политическая и экономическая» (с. 192). Углубляющаяся специализация в области сбора данных обуславливает в то же время необходимость расширения интеграции.

Прогресс в антропологическом сообществе

Предположение о том, что группа со столь сильными центробежными тенденциями образует единое сообщество, может показаться неправомерным. Но, как мы уже видели, у антропологов есть общие традиции, общий опыт и общая литература. С другой стороны, их объединяет общее чувство скептицизма. Для многих антропологов характерно ставить под сомнение общепринятое. Высказывание Лоуи о том, что антропологи «научились смотреть на постулаты других с подозрением»⁵¹, звучит в унисон со словами Вулфа о том, что «мы должны быть профессионально критичными по отношению к нашим категориям и моделям» (с. 220). В настоящем томе Харрис называет антропологические теории «предварительными приближениями» (с. 64); Даматта признает «необходимость постоянного оспаривания „этнографических авторитетов“» (с. 119); Годелье подчеркивает, что аналитический язык дисциплины «нуждается в постоянном контроле.., критике и ревизии» (с. 108). Скептицизм по отношению к общепринятым является одной из сильных сторон антропологии.

Однако наблюдаемая ныне анархия наводит на мысль о том, что одного скептицизма мало. Нужны также диалог, продуктивные обсуждения и общий разговор о наших различиях. Именно через диалог по поводу различий в антропологии происходит накопление общих знаний.

Гуденаф подчеркивает, что этнография — «это долгосрочное, кумулятивное и, по необходимости, кооперативное предприятие» (с. 271). Эту же мысль высказывает Харрис. «Обоснование стратегии культурного материализма, — пишет он, — заключается в его способности давать крупные гипотезы, которые затем могут подвергаться испытаниям путем этнографических и археологических исследований, могут при необходимости модифицироваться и включаться в теорию.., способную объяснять и наиболее генерализованные черты всеобщей истории, и самую экзотическую специализацию конкретных культур»⁵². Только во времени, только через проверку и перепроверку, через наложение одной этнографической работы на другую мы можем прийти к определению ценности различных описаний.

Путь к совокупному знанию в антропологии оказался трудным, а прогресс медленным. Об этом в свое время писал еще Сервис, указывая, что культурная антропология (он употребил здесь термин «этнология») «ушла не слишком далеко... Сегодня все еще нет ясного или общепринятого мнения ни по „значению“ терминов родства, ни по основным формам социальной структуры и тотемизма, ни по происхождению государства, права..., собственности и форм экономического обмена, ни даже по самому ключевому понятию — „культура“»⁵³.

И все же антропология интеллектуально прогрессировала, хотя, надо признать, этот прогресс более очевиден в малом, чем в большом. Антропологи продолжают накопление более богатого и более «плотного» багажа этнографических данных. Они разрабатывают более сложные методы сбора и анализа этнографических материалов, создают более сложные формулировки старых проблем, на которые указывал Сервис. Нельзя не убедиться в усложнении нашего подхода к проблемам, знакомясь с предлагаемым в настоящей работе Раппапортом синтезом различных взглядов, существующих в антропологии, с критикой Вайды экзистенциализма, с анализом Кисинга и Барта культуры, со взглядами Моора и Салинса на историю или с рассмотрением Коттаком и Колсон вопроса о взаимосвязях.

Антропологи сегодня серьезно озабочены вопросом о том, куда идет антропология. Но во внешнем по отношению к ней мире авторитет антропологии весьма высок. Гиртц констатирует, что антропологов «цитируют все повсюду и по любому поводу»⁵⁴. Что касается всего ученого сообщества, то «антропологическая перспектива» считается в нем «своей».

Перевод В. А. Парицкого

Примечания

¹ См., например: *Harris M. The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. N. Y., 1968; *Reinventing Anthropology*/Ed. D. Hymes. N. Y., 1969; *Handbook of Social and Cultural Anthropology*/Ed. J. Honigman. Chicago, 1973; *Tax S. Anthropology of the World of the Future: Thirteen Professions and Three Proposals*//*Human Organization*. 1977. № 36 (3); *Ortner Sh. Theory in Anthropology since the Sixties*//*Comparative Studies in Society and History*. 1984. № 26; *Marcus G., Fischer M. M. J. Anthropology as Cultural Critique*. Chicago, 1986; *Recapturing Anthropology: Working in the Present*/Ed. Fox. R. G. Santa Fe, 1991.

² *Recapturing Anthropology*. P. 16.

³ *Geertz C. Wadding*//*Times Literary Supplement*. 1985. № 4288 (June 7). P. 623.

⁴ *Harris M. Anthropology: Ships That Crash in the Night*//*Perspectives in Social Science: The Colorado Lectures*, Boulder, 1991. P. 1.

⁵ *Ember C., Ember M. Anthropology*. Englewood Cliffs, 1985. P. 484.

⁶ *Cultural Anthropology*/Ed. W. Haviland. Fort Worth, 1990. P. 11.

⁷ *Boas F. Anthropology*. N. Y., 1908. P. 9.

⁸ *An Appraisal of Anthropology Today*/Eds. S. Tax, E. Loren, R. Irving, C. Voegelin. Chicago, 1953. P. 349.

⁹ *Kottak C. Ph. Anthropology: The Exploration of Human Diversity*. N. Y., 1991.

¹⁰ *Bohannan P. We, The Alien: An Introduction to Cultural Anthropology*. Prospect Heights, 1992. P. 22.

¹¹ *Keesing R. M. Cultural Anthropology: A Contemporary Perspective*. N. Y., 1981. P. 509.

¹² *Keesing R. M. Cultural Anthropology: The Science of Custom*. N. Y., 1958. P. 16.

¹³ *Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. N. Y., 1963.

¹⁴ *Ibid.* P. 357.

¹⁵ *The Social Science Encyclopedia*/Eds. A. Kuper, J. Kuper. J. Boston, 1985. P. 177.

¹⁶ *Mandelbaum D. Anthropology: Cultural Anthropology*//*Encyclopedia of Social Sciences*/Ed. D. Sills. N. Y., 1968. P. 313.

¹⁷ *Ortner Sh. Op. cit.* P. 124.

¹⁸ *An Appraisal of Anthropology Today*. P. 90.

¹⁹ *Service E. A Century of Controversy: Ethnological Issues from 1860 to 1960*. N. Y., 1985. P. 286.

²⁰ *Colson E. Defining American Ethnology*//*Social Contexts of American Ethnology, 1840—1984*/Ed. J. Helm//*1984 Proceedings of the American Ethnological Society*. Wash., 1985. P. 178—179.

²¹ *Wolf E. They Divide and Subdivide and Call It Anthropology*//*New York Times*. 1980. December 14. P. 20.

²² *Leaf M. Man, Mind, and Science: A History of Science*. N. Y., 1979. P. 1; *Yengoyan A. A. Theory in Anthropology: On the Demise of the Concept of Culture*//*Comparative Studies in Society and History*. 1986.

- № 28. P. 368; *Murphy R. Ph.* Introduction: A Quarter Century of American Anthropology//Selected Papers from the American Anthropologist, 1946—1970/Ed. R. Murphy. Wash., 1976. P. 19.
 23 The Social Science Encyclopedia. P. 870.
 24 *Wolf E.* Europe and the People without History. Berkeley, 1982. P. 387.
 25 *Colson E.* The Reordering of Experience: Anthropological Involvement in Time//Journal of Anthropological Research. 1984. № 40. P. 7.
 26 *Geertz C.* Op. cit. P. 21.
 27 *Boas F.* The History of Anthropology//Science. 1904. № 20. P. 523.
 28 *Fortes M.* Social Anthropology at Cambridge since 1900. Cambridge, 1953. P. 1.
 29 *Wolf E.* Anthropology. Englewood Cliffs, 1964. P. 6.
 30 *Braroe N. W., Hicks G. L.* Observations on the Mystique of Anthropology//The Sociological Quarterly. 1967, № 8 (2). P. 177, 179.
 31 An Appraisal of Anthropology. P. 151—152.
 32 *Tax S.* The Integration of Anthropology//Current Anthropology: A Supplement to Anthropology Today/Ed. W. Thomas. Chicago, 1956. P. 320.
 33 *Kroeber A.* Anthropology. N. Y., 1948. P. 391.
 34 *Wallace A. F. C.* Review of I. C. Jarvie's «The Revolution in Anthropology»//American Anthropologist. 1966, № 68. P. 1254.
 35 *Colson E.* Social-Cultural Anthropology//Wenner-Gren Foundation Report for 1990 and 1991. N. Y., 1992. P. 51.
 36 *Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. N. Y., 1967. P. 77.
 37 *Kluckhohn C.* Mirror of Man: The Relation of Anthropology to Modern Life. N. Y., 1949. P. 275.
 38 General Anthropology/Ed. F. Boas. Boston, 1938. P. 5; *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. N. Y., 1961.
 39 *Malinowski B.* Op. cit. P. 25.
 40 *Lowie R.* Primitive Society. N. Y., 1920. P. 441.
 41 *Beattie J. H. M.* Contemporary Trends in British Social Anthropology//Sociologus. 1955. № 5. (1). P. 7.
 42 *Tax S.* The Integration of Anthropology. P. 321.
 43 *Nadel S. F.* The Foundations of Social Anthropology. L., 1951. P. 193.
 44 *Ibid.* P. 222.
 45 *Geertz C.* Op. cit. P. 624.
 46 *Hymes D.* The Uses of Anthropology: Critical, Political, Personal//Reinventing Anthropology. P. 53.
 47 *Marcus G., Fischer M. M. J.* Op. cit. P. IX — X.
 48 Theory in Anthropology/Eds. R. Manners, D. Kaplan. Chicago, 1968. P. 1.
 49 *Wolf E.* Anthropology. P. 89.
 50 *Fernandez J.* On Reading the Sacred and the Profane//Journal for the Scientific Study of Religion. 1975, № 14. P. 191.
 51 *Murphy R. F.* Robert Lowie. N. Y., 1972. P. 78.
 52 *Harris M.* The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture. N. Y., 1968. P. 687.
 53 *Service E.* Op. cit. P. 318.
 54 *Geertz C.* Op. cit. P. 624.

Introduction to: Assessing Cultural Anthropology

The book offers a good presentation of modern trends in Western, mostly American, anthropology. Among the contributors are some leading scholars from the USA and other countries. The above is an abridged version of the foreword by R. Borofsky, which briefly outlines the volume's chief topics. In the forthcoming issues of the journal some articles are going to be published, addressing theoretical problems of cultural anthropology.